

Poslanie Prezidenta Federal'nomu sobraniyu (2017) [The address of the President to the Federal Assembly (2017)]. URL: <http://voenservice.ru/poslanie-prezidenta-rossii-federalnomu-sobraniyu-na-2017-god/>.

Donald J. Trump First State of the Union Address. URL: <http://www.americanrhetoric.com/speeches/stateoftheunion2018.htm>.

President Obama's 2016 State of the Union Address. URL: <https://www.politico.com/story/2016/01/state-of-the-union-2016-transcript-217671>.

ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНЫЕ ВКЛЮЧЕНИЯ КАК ОДИН ИЗ БАРЬЕРОВ НА ПУТИ ИНТЕРПРЕТАЦИИ СМЫСЛА ТЕКСТА

А.В. Кремнева

Ключевые слова: текст, интертекстуальность, интерпретация, лакуна, интертекстуальный тезаурус.

Keywords: text, intertextuality, interpretation, lacuna, intertextual thesaurus.

DOI 10.14258/filichel(2019)1-04

Интертекстуальность, теоретические основания которой были разработаны в трудах М.М. Бахтина, Ю. Кристевой, Р. Барта, Ж. Женетта, Ю.М. Лотмана, М. Риффатера и других исследователей, интенсивно изучается сегодня в различных аспектах на материале разных языков: в общетеоретическом плане, в аспекте ее функциональной, жанровой, дискурсивной и идиостилевой специфики, в аспекте прецедентности как основы реализации межтекстовых взаимодействий, в аспекте лингвокультурологии и межкультурной коммуникации, а также в аспекте теории перевода. Как отмечает немецкий исследователь В. Хайнеманн, в лингвистике текста имеет место т.н. «интертекстуальный синдром», который находит свое проявление в стремлении трактовать любые межтекстовые связи как интертекстуальные (цит. по: [Чернявская, 2009, с. 178]).

При этом, несмотря на огромное количество работ, посвященных различным аспектам интертекстуальности (см. библиографию в [Кремнева, 2017]), интерес к данной проблеме не ослабевает, что обусловлено как сложностью и многоаспектностью самой проблемы, так и постоянно усложняющимися текстовыми практиками, прежде всего, высокой степенью прецедентной

плотности художественных текстов. Интертекстуальность связана с исследованием неконвенциональных способов выражения смысла художественного текста как произведения искусства, а в искусстве, задача которого состоит в увеличении вариантов осмысления и прочтения его произведений, эта область в рамках когнитивной науки, как отмечает Т.В. Черниговская, на сегодня разработана явно недостаточно [Черниговская, 2013, с. 14–15].

Будучи сложным и многоаспектным феноменом, интертекстуальность исследуется сегодня с позиций различных теоретических подходов: структурно-семиотического, культурно-семиотического, семиотико-герменевтического, синергетического, коммуникативного, этнопсихолингвистического. Одним из подходов, который активно разрабатывается в современной лингвистике, является когнитивно-семиотический, который мы используем в нашем исследовании феномена интертекстуальности. Интеграция семиотического и когнитивного подходов к трактовке сущности интертекстуальности является закономерной и обусловлена самой природой языка, который представляет собой и систему знаков, замещающих предметы внешнего и внутреннего мира, и результат когнитивной деятельности человека. Семиотическая сущность данного способа кодирования смысла состоит в его двойной референтной соотнесенности: к описываемому в тексте событию и к предшествующим текстам или их фрагментам, хранящимся в памяти автора / читателя и служащим основой для подобного кодирования. Рассматриваемая в аспекте ее когнитивной сущности, интертекстуальность представляет собой один из видов вторичной языковой интерпретации, в основе которой лежит процесс порождения новых знаний, возникающих на базе уже существующих концептов, в данном случае, сложных концептов двух взаимодействующих текстов, что позволяет рассматривать ее как особый вид концептуальной деривации, основанный на активации смысловых связей между прецедентным и порождаемым текстом. При рассмотрении когнитивной сущности интертекстуальности мы опираемся на теорию концептуальной деривации, разработанную Н.Н. Болдыревым и его научной школой [Болдырев, 2018].

Рассмотрение когнитивно-семиотической сущности интертекстуальности вводит исследователя в сферу изучения таких вопросов, как проблема межтекстового взаимодействия и его отграничения от смежных процессов, проблема памяти как основы прецедентности и трансляции культуры посредством текстов, проблема порождения смысла, возникающего в процессе

межтекстового взаимодействия, и проблема смысловосприятия и интерпретации текста с интертекстуальными включениями. Целью данной статьи является рассмотрение интертекстуальных включений как одного из барьеров на пути понимания смысла художественного текста. Объектом данной статьи являются интертекстуальные включения в структуре художественного текста, а предметом исследования выступает их роль в процессе восприятия и интерпретации смысла художественного текста. Основным методом исследования является интертекстуальный анализ, который включает в себя идентификацию интертекстуального включения, определение его источника и интерпретацию смысла, возникающего в результате концептуальной интеграции смыслов прецедентного и порождаемого текстов.

В современных когнитивно-ориентированных теоретических исследованиях большое внимание уделяется интерпретирующей функции языка как одной из его важнейших функций. Под интерпретацией понимается «процесс и результаты субъективного понимания и объяснения человеком мира и себя в этом мире, процесс и результат субъективной репрезентации мира, основанной, с одной стороны, на существующих общечеловеческих представлениях о мире и, с другой стороны, на его личном опыте взаимодействия с ним» [Болдырев, 2011, с. 11]. Рассматривая сущность интерпретации как когнитивной деятельности человека, Н.Н. Болдырев отмечает, что она может иметь широкое и узкое толкование. В широком смысле этого слова под интерпретацией понимается любая когнитивная деятельность, результатом которой является получение нового знания. В узком смысле интерпретация представляет собой познавательную активность отдельного человека, результатом которой является его субъективное понимание объекта интерпретации [Болдырев, 2016, с. 178–179]. Данная функция имеет множественные реализации в языке, и вполне естественно, что она находит свою реализацию в процессах интерпретации текста как результата дискурсивной деятельности автора.

Процессы понимания текста, которое представляет собой способность нашего сознания проникать в другое сознание за счет постижения значения знаков и интерпретации как последующего этапа, заключающегося в толковании знаков и текстов, основанном на их понимании, имеют в своей основе принцип диалогизма, суть которого выразил М.М. Бахтин в краткой формуле: «Образ человека является путем к я другого» [Бахтин, 1995, с. 3]. Он подчеркивал, что текст всегда существует и развивается на рубеже двух субъектов,

двух взаимодействующих сознаний, а потому сознание реципиента текста должно всегда учитываться при рассмотрении текста. Он писал: «Текст не вещь, а поэтому второе сознание, сознание воспринимающего, никак нельзя элиминировать или нейтрализовать» [Бахтин, 1979, с. 285].

Как показывает анализ работ современных исследований, идеи М.М. Бахтина о фундаментальной диалогичности человеческого мышления, находящей свое выражение в тексте, не утратили своей актуальности, и продолжают свое дальнейшее развитие в трудах филологов XXI века. Так, М.В. Михайлова пишет: «Один из аспектов событийности совершенного текста – его диалогичность. Его возможно рассматривать как встречу, поскольку текст всегда раскрыт в двух направлениях: к авторскому экзистенциальному опыту, который инициировал событие письма, и к читательскому следованию за автором в событии чтения, когда послание одного человека становится фактом внутренней жизни другого. Поскольку читатель необходим для осуществления текста, адекватное рассмотрение текста требует признания в нем диалогического события» [Михайлова, 2013, с. 30]. Автор этих строк далее особо подчеркивает важность ткани текста (имея в виду, прежде всего, классический текст) для осуществления диалога сознаний, поскольку только через текст «формируются позиция автора и внутренний мир читателя, когда увидит опыт другого означает познать себя» [Михайлова, 2013, с. 30].

Эту же мысль, рассматривая роль читателя в процессе интерпретации текста, подчеркивает У. Эко, говоря о том, что т.н. «открытый текст» (то есть текст, в котором потенциально заложена возможность множественных интерпретаций, или неограниченного семиозиса) «не может быть описан в терминах коммуникативной стратегии, если роль его адресата (в случае словесных текстов – читателя) не была так или иначе предусмотрена в самый момент его порождения как текста» [Эко, 2005, с. 11]. По его мнению, «читатель как активное начало интерпретации – это часть самого процесса порождения текста» [Эко, 2005, с. 14], и с этим нельзя не согласиться. Текст не только сообщает что-то, но и служит стимулом для порождения в сознании читателя новых смыслов, возникающих на основе собственной концептуальной системы, способствуя тем самым ее обогащению. Именно в этом и находит отражение, на наш взгляд, интерпретирующая функция языка. Как показывают многочисленные эксперименты, любое обучение и развитие

когнитивных способностей человека происходит чаще всего на основе текста [Базжина, 2010, с. 167].

Идея сотрудничества автора и читателя в создании текста получила свое дальнейшее развитие в т.н. когнитивно-холистическом подходе к исследованию текста, суть которого состоит в следующем: 1) автор и читатель рассматриваются как целостные языковые личности со своей картиной мира; 2) образ языка, на котором создан и интерпретируется текст, существует в сознании автора и читателя как целостная система, а не как набор разрозненных языковых элементов; 3) языковые, культурные и академические знания тесно взаимосвязаны; 4) текст представляет собой диалог культур в пространстве межкультурной коммуникации; 5) правомерен лишь анализ целостного текста, а не его отдельных отрывков. Холистика текста предполагает его изучение в комплексном интегративном осмыслении, в его коммуникативно-когнитивном, прагмалингвистическом и социокультурном аспектах. Когнитивно-холистический подход предусматривает сопряжение текстовой деятельности автора и читателя, то есть диалог их сознаний. При этом важно отметить, что оба участника этого диалога являются его равноправными участниками. Автор воплощает заданный смысл в материальной форме текста, а читатель «собирает», извлекает этот смысл на основе целостного анализа языковых, прагматических, культурологических и когнитивных параметров [Молчанова, 2005, с. 45–47].

Нельзя не отметить тот факт, что когнитивно-холистический подход во многом вновь возвращает нас к идеям М.М. Бахтина о диалогизме как основном принципе гуманитарного мышления. Как подчеркивает И.А. Щирова, «целостность текста задается авторским сознанием, но не является окончательно определенной, поскольку в конечном итоге идентифицируется читателем как равноправным участником литературной коммуникации» [Щирова, 2018, с. 610].

Таким образом, подход к пониманию текста с позиций диалогизма человеческого мышления позволяет считать, что в процессе создания и восприятия текста происходит диалог двух сознаний, двух концептуальных систем, автора и потенциального читателя. При этом успешность такого диалога, то есть понимание смысла художественного текста читателем, к которому обращено сознание автора, зависит от объема т.н. разделенного, или общего знания (*shared knowledge*), содержащегося в концептуальных системах автора и читателя. Чем больше объем «смыкания смыслов», тем более вероятно адекватное понимание авторского смысла

читателем. По словам В.С. Библера, для полного понимания текста необходим «в том же ритме думающий читатель» [Библер, 1997]. Заметим, что «смыкание смысла» включает, как нам представляется, наличие у читателя не только необходимых знаний, но и читательской эмпатии, то есть его способности настроиться на эмоциональное состояние автора, находящее отражение в тексте, «вчувствоваться в автора» [Демьянков, 2018, с. 5], без чего восприятие художественного текста не может быть полным. На тесное взаимодействие творца литературного произведения и его читателя указывает М. Этвуд, которая отмечает, что книга может пережить своего автора, она меняется с течением времени, но это изменение касается не манеры изложения, а манеры чтения, поскольку каждое новое поколение читателей приносит свое понимание книги, новые смыслы в ее содержание. Она сравнивает книгу с нотной записью, которая становится музыкой только тогда, когда она исполняется музыкантами, которые по-своему интерпретируют эту запись [Atwood, 2002, p. 50].

При этом вряд ли возможно абсолютное совпадение концептуальных систем автора и читателя в силу индивидуальности каждой из них, а потому понимание всегда оказывается поливариантным и во многом определяется личностным опытом читателя и его способностью глубоко проникать в форму произведения и извлекать из нее т.н. скрытые смыслы. Причем эта поливариантность может быть различной: в одних случаях читателю не удастся до конца раскрыть подлинный замысел автора, но нередки и такие случаи, когда образованный и искушенный читатель извлекает из текста смыслы, о которых не подозревал сам автор при создании текста.

В.З. Демьянков считает, что процесс интерпретации может быть не менее креативным, чем продуцирование речи [Демьянков, 2001, с. 313], поскольку значения не даны непосредственно в форме знака, а «вычисляются» интерпретатором, то есть выводятся из интерпретации формы. Он подчеркивает, что интерпретация текста «предстает перед нами как занятие, связанное с решением интеллектуальной задачи – с распознаванием значения, иногда глубоко спрятанного» [Демьянков, 2016, с. 8]. Таким образом, подобно тому, как порождение текста является результатом когнитивно-креативной деятельности автора, интерпретация текста также является процессом, когнитивно-креативным в своей основе. Этот процесс направлен, с одной стороны, на извлечение и интерпретацию смысла, заложенного автором текста, а с другой

стороны, на познание и развитие собственной личности в процессе этой деятельности.

Потребность в талантливом читателе, о которой говорил С.Я. Маршак, несомненно, существовала на всем протяжении развития литературы, но эта потребность значительно возросла в XX веке, что обусловлено глубочайшими изменениями, которые произошли в общественно-политической жизни общества, общественном сознании, философском и научном мировоззрении и нашли свое отражение во всех формах культуры и, прежде всего, в литературе.

Рассматривая категорию понимания применительно к иноязычным текстам, представляется важным выделить, вслед за Г.И. Богиним, разные уровни понимания, каждый из которых организуется из соответствующего материала рефлексивной реальности. Исследователь выделяет следующие уровни:

- уровень семантизирующего понимания, связанный с семантизацией незнакомых слов, требующий рефлексии над опытом вербальной памяти;

- уровень когнитивного понимания, связанный с преодолением трудностей в освоении содержания текста и требующий рефлексии над опытом знания и познавательного процесса;

- уровень распремечивающего понимания, связанный с рефлексией над эмоциональным опытом читателя, а также над опытом оперирования текстовыми смыслами в ранее прочитанных произведениях [Богин, 1993, с. 105–107]. Хотя, как отмечает сам автор, границы между выделенными уровнями оказываются довольно диффузными, их выделение представляется целесообразным, поскольку каждый уровень связан с активизацией определенного типа опыта, хранящегося в сознании интерпретатора. Такая модель понимания вполне соответствует распространенной модели уровневого членения языка, а потому может способствовать более целенаправленному и глубокому анализу текста.

Одной из основных особенностей современных художественных текстов является тот факт, что способы передачи авторского смысла отличаются значительным разнообразием и сложностью. Авторские смыслы зачастую не представлены эксплицитно, завуалированы неконвенциональными способами их представления, и их экспликация требует интерпретаторского таланта, инференциального усилия, широты читательского тезауруса, читательской эмпатии. Многообразие и изощренность способов кодирования смысла создает потенциальные барьеры, препятствующие адекватному пониманию

смысла текста. Одним из таких потенциальных барьеров на пути понимания смысла является его кодирование с помощью «чужого слова», то есть отсылки к прецедентному тексту.

Исследователи, занимающиеся проблемой скрытых смыслов, выделяют в особую группу интертекстуальные скрытые смыслы, то есть такие смыслы, в создании которых принимает участие «чужое слово». Способ кодирования смысла с помощью интертекстуальных включений, то есть использования кода с двойной референцией, относится к числу наиболее сложных. Понимание текста с интертекстуальными включениями составляет третий, т.н. распредмечивающий уровень [Богин, 1993, с. 105–107], связанный не только с пониманием словесных знаков и событийного содержания текста, но и с интерпретацией межтекстового смыслового пространства, возникающего в результате концептуальной интеграции смыслов прецедентного и рецептирующего текстов, требует вдумчивого и творческого читателя, способного и желающего декодировать сложные смыслы.

Кодирование смысла с опорой на прецедентный текст, несомненно, является более сложным и изощренным, в нем проявляются креативные способности говорящего / пишущего, и оно требует таких же способностей от реципиента/читателя. Восприятие текста с интертекстуальными включениями, декодирование смысла, переданного с помощью «чужого слова», требует от читателя значительных интеллектуальных усилий, одновременно доставляя ему удовольствие, позволяющее, по словам Р. Барта, причислить себя к разряду «аристократических читателей». Сложность в восприятии интертекста, по словам В. Изера, обусловлена тем, что в результате межтекстового взаимодействия, игры кодов, двойной референции возникают смысловые лакуны, то есть пустые места, которые читатель вынужден заполнить, выстраивая т.н. мостики между текстами, то есть восстанавливая возможные смысловые связи, дешифруя игру кодов и смыслов, которые вызывают одновременно как усложнение, так и диссипацию значения [Iser, 1993, XIV].

Итак, *интертекстуальные включения потенциально представляют собой лакунизированные фрагменты текста.* Характерной особенностью современных художественных текстов является высокая степень их интертекстуальной плотности. Зачастую смысл текста становится доступным только при наличии у читателя богатого интертекстуального тезауруса. Под интертекстуальным тезаурусом мы понимаем особый формат знания, в котором хранятся в различных формах (словесных или образных) все прецедентные

феномены, на которые опирается индивид в своей речевой и текстопорождающей деятельности и которые позволяют ему генерировать новые смыслы или интерпретировать смыслы воспринимаемого текста. Говоря о структуре интертекстуального тезауруса, мы считаем возможным описывать ее по аналогии со структурой концептуальной и языковой картин мира, существующих в сознании индивида и включающих универсальный, национально-специфичный и индивидуальный компоненты. Использование такой аналогии представляется нам возможным и оправданным по той причине, что и в том, и в другом случае речь идет о ментальных сущностях, или форматах знания. При этом важно отметить и тот факт, что границы между этими компонентами носят динамический, открытый характер: индивидуальное знание обладает способностью отчуждаться и становиться достоянием общества, национально-специфические знания могут подвергаться трансферу и становиться в значительной степени универсальными, что происходит в результате взаимодействия культур и благодаря чему становится возможным трансфер знания и обогащение интертекстуального тезауруса «поверх границ культур» (более подробно см.: [Кремнева, 2017, с. 150–158]).

Наличие интертекстуальных фрагментов в художественном тексте нередко расценивается сегодня как один из обязательных критериев современной прозы в силу существования т.н. интертекстуального синдрома, о котором мы упоминали в начале статьи. Вот как выражает эту мысль один из персонажей романа «Неделя в декабре» («A Week in December») современного британского прозаика С. Фолкса (S. Faulks), мысленно репетируя свою оценку произведения молодого автора:

«Anyway, I just wanted to say that I've recently had the opportunity of rereading it. I must say that it was a thoroughly pleasurable experience. One's first reading of such a book is necessarily influenced by the cultural baggage one brings to it; and prose as many-layered as your own really requires a second, closer reading. I relished your lightly worn learning and the playful references to other first novels, ranging from Camus to Salinger and, if I am not mistaken, Dostoevsky, no less! And this done with an enviable lightness of touch...» (S. Faulks. A Week in December).

Заметим, что в приведенном отрывке содержится еще одна важная мысль, касающаяся особенностей восприятия текста. Повторное чтение, о котором говорит критик, оказывается необходимым потому, что восприятие таких текстов требует двойного осмысления: содержания самого текста, то есть смысла того, о чем говорится в тексте, а также формы передачи смысла, то

есть метаязыковой рефлексии, для осуществления которой необходим обширный интертекстуальный тезаурус читателя.

Нельзя не заметить, что многие современные авторы пытаются соответствовать этим требованиям, что находит свое отражение в художественной форме. Так, в том же романе С. Фолкса один из персонажей, намеревающийся написать роман, представляет его следующим образом:

«Tranter allowed the voices of the English regionalist school to harmonize with his own; there were intertextual references to the novels of Stan Barstow and Walter Allen...» (S. Faulks. A Week in December).

И хотя приведенный отрывок написан в ироническом ключе, он отражает суть современной литературы, характеризующейся, нередко даже в угоду моде, чрезвычайно высокой степенью интертекстуальной плотности, что, по мнению Н.А. Фатеевой, приводит к тому, что она все больше и больше становится «не литературой о жизни, а литературой о литературе» [Фатеева, 2000, с. 31].

Интертекстуальные включения часто являются наиболее смысловыми элементами текста, и незнание прецедентных тестов или их неверное истолкование приводит к лакунизации текста. Необходимым условием интерпретации таких текстов является наличие в памяти особого формата знаний о предшествующих текстах – интертекстуальных фреймов, формирующих в своей совокупности интертекстуальный тезаурус языковой личности. Интертекстуальный тезаурус служит той основой, на которой формируется межтекстовая компетентность как создателей текстов, так и реципиентов. В том случае, если в когнитивной базе читателя хранятся соответствующие интертекстуальные фреймы, необходимые для «опознания» интертекстов, они активизируются и могут служить основой для адекватной интерпретации текста. Мы говорим «могут», поскольку опознание интертекстов составляет лишь основу для интерпретации, но еще не саму интерпретацию. Поскольку интерпретация есть *вербализованная* рефлексия [Богин, 1993, с. 104] (курсив наш. – А.К.), то из этого следует, что навыки интерпретации не возникают только в результате понимания, их надо развивать, то есть следует учить интерпретации, умению не только распознавать, но и вербализовывать распознанные смыслы.

Если такие фреймы отсутствуют в когнитивной базе читателя, адекватное понимание авторского смысла становится невозможным. В результате из поля зрения читателя могут выпадать важные смысловые связи текста, что приводит к нарушению логико-

смысловой связности, составляющей основу цельности текста. Неопознание или неправильная интерпретация интертекстуальных ссылок, возникающая в результате лагун в лингвокультурном тезаурусе читателя или партнера по коммуникации, приводит к непониманию, неполному пониманию или к различным курьезам. Приведем несколько примеров из текстов, описывающих подобные случаи. Так, в своем романе «Мститель» («Avenger») Ф. Форсайт (F. Forsyth) приводит следующий диалог между двумя американским солдатами во время войны во Вьетнаме:

'It's bad?'

'Dante's vision of hell'. Dexter had never heard of Dante and presumed he was in a different unit. He shrugged (F. Forsyth. Avenger).

Из приведенного примера мы видим, что описание ужаса боев, описанное при помощи аллюзии на Данте, не было до конца понято собеседником, на что он прореагировал пожатием плеч. Приведем еще один пример такого непонимания.

It took twenty two years and the combined effort of over twenty thousand artisans and master craftsmen from Persia, the Ottoman Empire, and even Europe, and the result is what you see before you, the Taj Mahal, described by Rabindranath Tagore as 'a teardrop on the cheek of time'. A young girl in hot pants raises her hand. «Excuse me, who is Tagore?». «Oh, he was a very famous Indian poet who won the Nobel Prize. He can be compared to, let's say, William Wordsworth», the guide answers. «William who?» (V. Swarup. Slumdog Millionaire).

В приведенном отрывке из романа В. Сварупа «*Миллионер из трущоб*» автор описывает диалог между индийским гидом, проводящим экскурсию в Тадж-Махале и туристкой из Европы, в котором она обнаруживает такой ограниченный уровень знаний в области истории и культуры, что невольно напоминает нам о высказывании Махатмы Ганди, который, отвечая на вопрос «*What do you think of the Western civilization?*» дал следующий ответ: «*It would be a very good thing*».

Приведем еще один пример такого непонимания смысла модифицированной цитаты, в этом случае закончившегося неожиданной удачей для того, кто ее использовал.

Ешки не было бы, если бы не Бунин. У дочки случился облом. Слетелись подружки: «Чем мы тебе можем помочь?» «Собаку мне купите» – вольно процитировала дочь. Цитату никто не опознал. А на другой день одна из подруг встретила в офисе своего босса. «Босс, вы куда?» «Знакомой девушке щенка покупать». «Да? А где их продают? А то у моей подружки облом случился...». Босс улыбнулся.

А на другой день вызывает ее к себе. «Я купил двух щенков» – и протягивает ей легкое, мягкое, теплое (В. Павлова. Еджи, по паспорту Лаки).

Особый интерес представляют те случаи в художественном тексте, когда автор вводит отрывки из прецедентных текстов в наиболее драматических местах повествования для того, чтобы показать отсутствие взаимопонимания между героями в трагические моменты их жизни. Обратимся к отрывку из романа С. Моэма «Разрисованный занавес» («The Painted Veil»), в сюжете которого английский врач-бактериолог Уолтер Фейн, работающий в Гонконге, узнает об измене своей жены в тот момент, когда ему предстоит поездка в район, охваченный эпидемией холеры. Он настаивает на том, чтобы жена поехала вместе с ним, что воспринимается ею как месть за измену. Она полагает, что муж хочет ее смерти. Но заражается холерой сам врач, спасая десятки жизней. В последние минуты, когда жена просит у него прощения за доставленные страдания, он произносит следующие слова: *«The dog it was that died»*.

She stayed as still as though she were turned to stone. She could not understand and gazed at him in terrified perplexity. It was meaningless. Delirium (S. Maugham. The Painted Veil).

Как следует из приводимого отрывка текста, жена не поняла предсмертные слова мужа и приняла их за бред, потому что не узнала, а если бы и узнала, то вряд ли сумела бы правильно интерпретировать смысл, вкладываемый им в эту фразу, взятую из стихотворения О. Голдсмита, в которой речь идет о взбесившейся собаке, которая укусила человека, но, вопреки ожиданиям, умерла сама, а не укушенный ею человек:

*But soon a wonder came to light,
That shew'd the rogues they lied,
The man recovered from the bite,
The dog it was that died.*

(O. Goldsmith. An Elegy on the Death of a Mad Dog).

Сложность интерпретации смысла этих строк заключается в том, что Уолтер Фейн никогда не желал смерти своей жены. Напротив, он надеялся, что, увидев страдания других людей и помогая им, она сможет измениться сама, что и произошло на самом деле. Произнося эти слова, он высказывает не собственное мнение, а, скорее, мнение тех обывателей, которые, как и его жена, оценивали

его поступок как месть за измену жены, а потому в его словах звучит горькая ирония.

Таким образом, адекватная интерпретация текста с интертекстуальными включениями обусловлена: 1) уровнем межтекстовой компетенции читателя; 2) наличием в его когнитивной базе богатого интертекстуального тезауруса; 3) умением использовать знания, хранящиеся в структуре интертекстуальных фреймов, в вербализации результатов своей рефлексии над смыслом текста. Необходимость в таком тезаурусе становится особенно очевидной в настоящее время, поскольку особенностью современного языка в его различных функциональных разновидностях – будь то художественный, публицистический или рекламный текст – является высокая степень его интертекстуальной плотности, требующая от читателя знания прецедентных феноменов из различных источников. Все сказанное позволяет заключить, что диалог сознаний автора и читателя, осуществляемый посредством процессов текстопорождения и интерпретации текста, может состояться только при наличии в интертекстуальном тезаурусе читателя знания тех прецедентных феноменов, которые использовал автор в процессах текстопорождения, при умении их опознать и интерпретировать в новом контексте, что указывает на большую роль интертекстуального тезауруса читателя в интерпретации смысла текста, содержащего интертекстуальные включения.

Литература

Базжина Т.В. Стратегия чтения и понимания текста читателем: отнюнез «без конца и края» // Когнитивные науки: проблемы и перспективы. Материалы российско-французского семинара. М., 2010.

Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М., 1979.

Бахтин М.М. Человек в мире слова. М., 1995.

Библер В.С. На гранях логики культуры. Книга избранных очерков. М., 1997.

Богин Г.И. Субстанциональная сторона понимания текста. Тверь, 1999.

Болдырев Н.Н. Интерпретирующая функция языка // Вестник Челябинского гос. ун-та. 2011. № 33 (248). Филология. Искусствоведение. Вып. 60.

Болдырев Н.Н. Когнитивная природа языка: сборник статей. М.–Берлин, 2016.

Болдырев Н.Н. Концептуальная деривация как основа вторичной языковой интерпретации // Когнитивные исследования языка. Вып. XXXIII. М.–Тамбов, 2018.

Демьянков В.З. Лингвистическая интерпретация текста: универсальные и национальные (идиотнические) стратегии // Язык и культура: факты и ценности: к 70-летию Юрия Сергеевича Степанова. М., 2001.

Демьянков В.З. О когниции, культуре и цивилизации в трансфере знаний // Вопросы когнитивной лингвистики. 2016. № 4.

Демьянков В.З. Трансфер идей герменевтики в когнитивную лингвистику // Вопросы когнитивной лингвистики. 2018. № 4.

- Кремнева А.В. Интертекстуальность как одна из форм межтекстового взаимодействия в семиотическом пространстве культуры. Барнаул, 2017.
- Михайлова М.В. Корабль Энея: классика в современной культуре // Текст и традиция: альманах. Вып. 1. СПб., 2013.
- Молчанова Г.Г. Холистика текста: Система – коммуникация – языковая личность – текст // Стилистика и теория языковой коммуникации. М., 2005.
- Фатеева Н.А. Контрапункт интертекстуальности, или интертекст в мире текстов. М., 2000.
- Черниговская Т.В. Чеширская улыбка кота Шредингера: язык и сознание. М., 2013.
- Чернявская В.Е. Лингвистика текста: Поликодовость, интертекстуальность, интердискурсивность. М., 2009.
- Щирова И.А. Экстраполяция идеи холизма на понимание художественного текста // Когнитивные исследования языка. Вып. XXXIV. М., 2018.
- Эко У. Роль читателя. Исследования по семиотике текста. СПб., 2005.
- Atwood M. *Negotiating with the Dead. A Writer on Writing*. Cambridge University Press, 2002.
- Iser W. *Intertextuality: The Epitome of Culture: Foreword to R. Lachmann. Memory and Literature. Intertextuality in Russian Modernism // Theory and History of Literature*. 1997. Vol. 87.

Список источников

- Павлова В. Еджи, по паспорту Лаки // *Story*. 2015. № 10 (85).
- Faulks S. *A Week in December*. London, 2010.
- Forsyth F. *Avenger*. London, 2003.
- Goldsmith O. An Elegy on the Death of a Mad Dog [Электронный ресурс]. URL: <http://graduate.engl.virginia.edu/enec981/dictionary/24goldsmithD2.html>
- Maugham S. *The Painted Veil*. М., 1981.
- Swarup V. *Slumdog Millionaire*. New York; London; Toronto; Sydney, 2008.

References

- Bazzhina T.V. *Strategiya chteniya i ponimaniya teksta naivnim chitatelem: ontogenez "bez kontsa i kraya"* [The Strategy of Reading and Understanding the text by a naïve reader: ontogenesis without limits] // *Kognitivnye nauki: problem i prespektivi* [Cognitive science: problems and prospects]. Moscow, 2010.
- Bachtin M.M. *Estetika slovestnogo tvorchestva* [The Esthetics of Literary Art]. Moscow, 1979.
- Bachtin M.M. *Chelovik v mire slova* [The Man in the World of Words]. Moscow, 1995.
- Bibler V.S. *Na Granyach Logiki Kultury. Kniga ivbrannich ocherkov* [On the edge of Culture Logics. A book of Selected Essays]. Moscow, 1997.
- Bogin G.I. *Substantsionalnaya storona ponimaniya teksta* [The Substantial Aspect of Text Comprehension]. Tver, 1999.
- Boldyrev N.N. *Interpretiruyushchaya funktsiya yazika* [Interpretative Language Function] // *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Chelyabinsk State University Newsletter] 2011. No 33 (248). *Filologiya. Iskuststvovedeniye*. Iss. 60.
- Boldyrev N.N. *Kognitivnaya priroda yazika: sbornik statei* [Cognitive Nature of Language: a collection of articles]. Moscow–Berlin, 2016.

Boldyrev N.N. *Kontseptualnaya derivatsiya kak osnova vtorichnoi yazykovo interpretatsii* // [Conceptual Derivation as the Basis for Secondary Langistic Interpretation] // Kognitivnie issledovaniya yazyka [Cognitive Studies of Language]. Vol. XXXIII. Moscow–Tambov, 2018.

Demyankov V.Z. *Lingvisticheskaya interpretatsiya teksta: universalniye i natsionalniye (idioetnicheskiye) strategii* [Linguistic Text Interpretation: universal and national (idioethnic) strategies] // *Yazyk i kultura: fakti i tsennosti: k 70-letiu Uriya Sergeevicha Stepanova* [Language and Culture: Facts and Values: to 70th Anniversary of Uriy Sergeevich Stepanov] Moscow, 2001.

Demyankov V.Z. *O kognitsii, kulture i tsivilizatsii v transfere znaniy* [Civilizationally Induced vs. Culturally Induced Knowledge Transfer] // *Voprosi kognitivnoi lingvistiki* [Issues of Cognitive Linguistics]. 2016. № 4.

Demyankov V.Z. *Transfer idei germenetiki v kognitivnuyu lingvistiku* [Transfer of Hermeneutic Ideas into Cognitive Linguistics] // *Voprosi kognitivnoi lingvistiki* [Issues of Cognitive Linguistics]. 2018. № 4.

Kremneva A.V. *Intertextualnost kak odna iz form mezhtextovogo vzaimodeistviya v semioticheskom prostranstve kulturi*. [Intertextuality as a Form of Crosstextual Interaction in the Semiotic Space of Culture]. Monograph. Barnaul, 2017.

Michailova M.V. *Korabl Eneya: klassika v sovremennoy culture* [Aeneas' Ship: Classics in Modern Culture] // *Text i traditsiya: almanach* [Text and Tradition: Almanac] St. Petersburg, 2013. Iss. 1.

Molchanova G.G. *Holistika teksta: sistema – kommunikatsiya – yazykovaya lichnost – tekst* [Text holistics: system – communication – linguistic personality – text] // *Stilistika i teoriya yazykovo komunikatsii* [Stylistics and Communication Theory]. Moscow, 2005.

Fateeva N.A. *Kontrapunkt intertextualnosti, ili intertext v mire textov* [The Counterpoint of Intertextuality, or an Intertext amid Texts]. Moscow, 2000.

Chernigovskaya T.V. *Cheshirskaya ulibka kota Shryodingera: yazyk i soznaniye* [Cheshire Smile of Schroedinger's Cat: Language and Mind]. Moscow, 2013.

Chernyavskaya V.E. *Lingvistika teksta: Polikodovist, intertextualnost, interdiskursivnost: ucheb. posobiye* [Text Linguistics: Simicoding, Intertextuality, Interdiscursivity: study guide]. Moscow, 2009.

Shchirova I.A. *Extrapolyatsiya idei holizma na ponimaniye hudozhestvennogo teksta* [Extrapolation of the idea of Wholism to the understanding of fiction text] // *Kognitivniye issledovaniya yazyka* [Language Cognitive Studies]. Iss. XXXIV. Moscow, 2018.

Eco U. *Rol chitatelya. Issledovaniya po semiotike teksta* [The Role of the Reader. Studies on Text Semiotics]. St. Petersburg, 2005.

List of sources

Pavlova V. Edzhi, po pasportu Laki [Edzhi, passport name is Laki]. Story. 2015. № 10 (85).

Faulks S. A Week in December. London, 2010.

Forsyth F. Avenger. London, 2003.

Goldsmith O. An Elegy on the Death of a Mad Dog [Электронный ресурс]. URL: <http://graduate.engl.virginia.edu/enec981/dictionary/24goldsmithD2.html>

Maugham S. The Painted Veil. M., 1981.

Swarup V. Slumdog Millionaire. New York; London; Toronto; Sydney, 2008.